

ВСПОМИНАЯ ПРОШЕДШИЙ СЕЗОН

Минувшей осенью вся театрално-музыкальная Москва была взбудоражена известием о том, что некий танцовщик написал музыку к композиции на стихи Есенина, посвятив ее 100-летию со дня рождения поэта и тридцатилетию собственной деятельности в Большом театре.

Возг. Москва. - 1996. - 16 марта. - с.5

Борис Акимов снова в Большом. Теперь в роли композитора

И вот Большой уж полон, ложи блещут. Знаменитые критики, газетчики, любители сенсаций, артисты, искренние почитатели творчества Есенина и почти вся балетная братия собрались на этот спектакль-новеллу, чтобы увидеть и услышать, из-за чего сыр-бор.

Погасла знаменитая шестиметровая люстра. Поднялся занавес, и в центре сцены мы увидели традиционную есенинскую березку, ситцевую избу и портрет поэта, спроецированный на фронтон. Зазвучал оркестр русских народных инструментов Николая Некрасова, и у многих перехватило дыхание, потому что музыка была настоящая и очень есенинская.

Наконец — стихи. Красивый голос по-есенински вальяжного актера Театра Ленкома Андрея Соколова. И все мы унеслись вместе с Есениным и музыкой в сферы высшей духовной медитации, даруемой настоящим искусством. *Край любимый! Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных. Я хотел бы затеряться В зеленых твоих стозвонных...*

Трепетность домр, мягкость баянов, переливы балалаек как нельзя лучше аккомпанировали есенинским строфам, и уже здесь был найден камертон композиции, в которую автор вложил более двадцати вокальных сочинений и оркестровых фрагментов, включая обширную интродукцию, блестяще исполненную оркестром народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Николая Николаевича Некрасова. Редко на сцене Большого звучат русские инструменты, а в этом спектакле-концерте все пришлось к месту.

Неужели эту музыку сочинил Борис Акимов, солист балета, сегодня — известнейший педагог-репетитор?

Может быть, это простое наитие, глас свыше, новый поворот судьбы, но Борис Акимов, оттанцевав одну творческую жизнь, начал другую — композиторскую.

— Последние два-три года, — рассказывает он, — моя сумка с балетными вещами всегда была заполнена и нотами. Я постоянно, вторым, третьим планом, жил в есенинском мире. Когда-то, не очень интересуясь стихами, я увлекался поэтами, сочиняя мелодии. Произойшло все случайно. В балетном классе, после уроков, на отдыхе, рояль стал моим собеседником и другом. Тогда и появилось желание зафиксировать то, что придумано, возникла идея романсов, песен. Мне пришлось проштудировать поэтическую библиотеку, начиная с Пушкина, пока однажды я не встретил шеститомник Есенина. Это мой поэт — понял сразу. Есенинские ритмы, образы вызвали такую ностальгию по природе, которую я испытывал только в детстве, бродя по полям Подмоскovie.

Так ли случаен феномен Акимова? Видимо, нет. Сын танцовщика военного ансамбля, он с детских лет на-

блюдал отцовские концерты и репетиции. Акимов родился на гастролях в Вене, где в то время были его родители. Музыкальная школа, Московское хореографическое училище — сначала класс Елены Сергеевской, а завершение учебы в классе Мариса Лиены. Первые встречи с Большим, на сцене которого прошла

Борис Акимов

его долгая балетная жизнь. Он осязал эти таинственные и притягательные подмостки ступнями, душой впитывая ауру волшебного храма. Он и сейчас ходит по сцене как-то особенно осторожно, будто боится поранить бруски пола.

Многие в театре начинают с кордебалета, и редко кому удается преодолеть этот барьер. Он, как в свое время и Миша Лавровский, прошел все круги кордебалетного «ада», выбираясь в солисты, а затем и ведущие — список ролей говорит сам за себя. А сколько он перетанцевал балетов, переслушал опер и симфонических концертов, и не только в России. Особенно хорошо работалось над есенинскими циклами в Лондоне, где Акимов — желанный гость.

— В Лондоне, — говорит он, — не было звонков, отвлечений, и пять недель я мог спокойно заниматься творчеством. Однако вся композиция, раскадровка родилась в Швейцарии, где я тоже проводил уроки. Я ходил по улицам Базеля, а в душе звучал Есенин. Но без помощи театра, администрации, моих коллег — артистов, режиссеров, художников этот спектакль мог бы и не состояться. Все они бескорыстно приняли участие в создании этого действия. Моя благодарность им бесконечна.

Сценическое действие тем временем продолжалось. Соколов читал

есенинское стихотворение 1914 года.

Гой, ты Русь моя родная,

Хаты — в ризах образа...

Любопытно, что первая публикация этих строк состоялась в петербургских «Биржевых ведомостях» именно 14 ноября — в день акимовского концерта, только восьмьюдесятью годами раньше.

О космичности происходящего говорилось не раз. Есенин — космос, а Акимов со своей музыкой у многих вызывал удивление, равное чуду.

Его музыка не просто вокально удобна, мелодична, но и пластична, хореографична. Будет неудивительно, если однажды мы увидим на сцене Большого балет с его музыкой.

Кто же энтузиасты, отдавшие свои «золотые» голоса есенинской лире? Это и Артур Эйзен, вкус которого не позволил бы ему участвовать во второразрядном спектакле. Это и молодая артистка Ольга Терюшнова, с великим вдохновением и страстью исполнившая несколько фрагментов композиции и балладу «Танюша».

*...Алым венчиком кровинки
запеклися на челе, —
Хороша была Танюша,
краше не было в селе.*

Известные строки, не однажды спетые другими, у Акимова предстают в единстве слова и музыки. Думается, балладе предстоит долгая сценическая жизнь.

Акимов не побоялся вторгнуться в святая святых — звучание есенинской поэзии под гитару. Он наполнил знакомые строфы почти оперной выпуклостью, певцы работают в полный голос, а не напевают, что столь привычно слышать.

Павел Черных, обладатель красивейшего баритона, рассказывал, как поначалу усомнился в творческой состоятельности Акимова, но, познакомившись с клавирами песен и романса, воздал автору должное. Петр Глубокий (бас) по-новому раскрылся в лирической исповеди, а Александр Ломоносов (драматический тенор) пережил не одно трудное мгновение, репетируя популярнейшие строфы «Отговорила роща золотая» по нотам Акимова. И что же? Публика с восторгом приняла и этот вариант!

Чего не хватало спектаклю. Может быть, большей активности мизансцен, общения героев спектакля между собой. С другой стороны — поток стихов, дневниковых записей, извлечений из документов и щедрость музыкальных излияний не располагали к излишним сценическим построениям. Композиция, хотя Есенин и вызывает у кого-то представление лубочное, сусальное, ярмарочное, показывает нам другого поэта — страдающего, размышляющего, фиксирующего жизнь своего времени. Великой любовью к России полна музыка Бориса Акимова.

Галина СОБОЛЕВА
Фото из архива автора

307